В.А.ГРИХИН

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ О КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ

Среди сказаний, восходящих к древнейшим оригинальным летописным известиям, особое место занимают произведения о княгине Ольге, включенные в "Повесть временных лет", Новгородскую I летопись младшего извода, "Летописец Переяславля Суздальского" и позднейшие летописные своды. К ним относятся "Сказание о мести Ольги древлянам"/945г./, "Сказание о покорении древлянской земли"/946г./, "Повесть о путешествии Ольги в Царьград"/955г./ и "Повесть о смерти Ольги"/969г./.

Первые произведения о русской княгине были созданы в народной среде в период язычества, возможно, еще при жизни Ольги или вскоре после ее смерти. Возникли они как устные сказания, предания, легенды, в которых отразился интерес современников к незаурядной личности первой русской княгини-христианки. Такого рода произведения устного народного творчества только тогда могли возникнуть, бытовать, сохраниться в памяти людей и передаваться из поколения в поколение, когда повествовали о событиях и людях исключительных, поражавших внимание слушателей своей необычностью и значимостью. Именно к таким легендарным сказаниям относятся древнейшие народные повествования о княгине Ольге. Слушателей восхищало мужество и целеустремленность, когда княгиня жестоко мстила древлянам за убийство мужа князя Игоря, ее находчивость и смекалка, сказавшиеся при покорении древлянской земли, хитрость и ум, благодаря которым она "переклюкала" византийского императора.

На фольклорную основу произведений о княгине Ольге указывает не только их художественно-стилистическая сторона, но и идеи.

Ольга прославляется за те добродетели, которые таковыми почитаются не в христианском, а в языческом обществе. Родовая кровная месть за смерть близких считалась во времена язычества священной обязанностью, а хитрость - качеством достойным восхищения и прославления.

Бытовавшие в устной традиции, сказания о княгине Ольге в момент возникновения летописания были записаны и обработаны книжниками в соответствии с теми задачами и идеями, которые выполняло летописание в период формирования раннефеодального государства.

Наиболее последовательно фольклорная основа отражена в "Сказании о мести Ольги древлянам"/945/. На это указывает его трехчастная композиция, соответствующая трем местям: погребение послов древлянской земли в яме, сожжение их в бане и избиение древлян во время тризны по Игорю. Каждая из этих композиционных частей достаточно самостоятельна, имеет свою завязку, кульминацию и развязку.

Убив князя Игоря, древляне посылают лучших мужей своих к Ольге сообщить о смерти мужа и передать предложение выйти замуж за их князя Мала: "И послаша деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользе, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи". Это завязка первой мести.

Мудрая, твердая и непреклонная княгиня выслушала послов и сказала: "Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрия пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся, и азъ утро послю по вы, вы же рьцете: не едемъ на конех, ни пеши идемъ, но понесете ны в лодьи; и възнесуть вы в лодьи". Послы принимают предложение Ольги. Это кульминация в развитии сюжета.

Когда же наутро посланные от княгини явились к древлянам ...,

оказывая им великую честь, понесли гостей на княжий двор прямо в лодках, Ольга приказала сбросить их в вырытую яму вместе с лодками. "Приникъши Ольга и рече имъ: "Добра ли вы честь?". Они же реша: "Пуще ны Игоревы смерти". И повеле засыпати я живы, и посыпаша я". Такова развязка первой мести.

Легко заметить, что содержание фольклорного сказания о мести Ольги составляют загадки, которых глупые и высокомерные древлянские послы отгадать не могут. Они построены на ассоциации свадебного и похоронного обряда: в ладьях не только торжественно носили почетных гостей, сватов, но и покойников. Предложение древлянским сватам помыться в бане - не только дань глубокого уважения и гостеприимства, но и символ похоронного обряда. Наконец, тризна, которую пришла совершить Ольга по убитому Игорю, на самом деле оказывается тризной по убитым древлянам.

С фольклором роднит сказание и сам принцип изображения героев. Русская княгиня и древлянские послы изображаются тенденциозно и гиперболически. Составители сказания идеализируют и гиперболизируют мудрость, хитрость, верность и непреклонность русской женщины. Напротив, древляне представлены глупыми, высокомерными, чванливыми и недальновидными.

На народно-поэтическую основу сказания указывает и диалогическая манера повествования. Все сказание представляет собой развернутый диалог княгини с древлянскими послами. "И возва я Ольга къ собе и рече имъ: "Добри гостье придоша". И реша деревляне: "Придохомъ, княгине". И рече имъ Ольга: "Да глаголите, что ради придосте семо?". Реша же древляне: "Посланы Дерьвьска земля".

В "Сказании о мести Ольги древлянам" диалог выполняет двоякую функцию. Во-первых, он используется "в функции завязки или развязки сюжетной интриги"[1]. Такая функция придает диалогу сюжетную на-

[1] Еремин И.П. "Повесть временных лет" как памятник литературы. - В его книге "Литература Древней Руси".М.-Л.,1966, с.78.

правленность и драматическую напряженность.

Другая функция диалога - словесно-композиционное выражение целостного эпизода повествования. Именно так композиционно оформлен рассказ о каждой мести Ольги.

В сказании есть интересный эпизод. Сообщая о прибытии древлянских послов, летописец много внимания уделяет таким подробностям и деталям, которые в дальнейшем повествовании не играют существенной роли. "И послаша деревляне лучьшие мужи въ лодьи к Ользе, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевьския, и на подольи не седяху людье, но на горе. Градъ же бе Киевъ, идеже есть ныне дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городе, идеже есть ныне дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевесище бе вне града, и бе вне града дворъ другый, идеже есть дворъ демьстиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бе бо ту терем каменъ".

Летописец объясняет своему современнику, что древлянские ладьи приставали под Боричевым подъемом, так как Днепр протекал тогда возле Киевской горы, а люди жили не на подоле, как теперь, а на горе. Такое детальное повествование летописца указывает на историческую дистанцию, на след устного предания. Используя его в своем рассказе, летописец как бы заранее предупреждает возможные сомнения и недоумения своих современников в истинности повествуемого.

В "Повести временных лет" под 946 годом помещено еще одно сказание о мести Ольги. Оно тоже фольклорного происхождения и тематически связано с предыдущим сказанием. Здесь также прославляется хитрость, мудрость и настойчивость княгини, державшей целое лето осаду города Искоростеня и разбившей древлянское войско. Центральный эпизод сказания - взятие Искоростеня - иллюстрирует хитрость Ольги, гиперболизирует ее силу, находчивость и решительность.

Сказание 946 года испытало на себе влияние книжной традиции. Это особенно заметно во вступлении и заключении, которые как бы обрамляют сказание, придают ему законченность и целостность. Во вступлении отчетливо ощущается влияние воинской повести. "Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Деръвьску землю. И изидоша деревляне противу. И сънемъшемася обема полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье лете сквозе уши коневи, и удари в ноги коневи, бе бо детескъ И рече Свенелдъ и Асмолдъ: "Князь уже почалъ; потягнете, дружина, по князе". И победиша деревляны. Деревляне же побегоша и затворишася въ градехъ своих".

Заключение сказания так же выдержано в традициях, характерных для финала воинских повестей.

"Повесть о путешествии Ольги в Царьград" /955г./ - сложное по составу произведение. Рассказ о крещении княгини в Царьграде скорее всего восходит к какому-то письменному источнику, возможно, к недошедшей до нас повести о ее крещении. Эпизоды же, связанные со сватовством византийского императора, безусловно, фольклорного происхождения и восходят к циклу легенд и преданий о мудрой княгине. Оба эти рассказа составляют первую часть сказания о путешествии в Царьград и отличаются идейным и стилевым единством, простотой и лаконичностью повествования.

В исследовательской литературе по-разному освещался вопрос об исторической достоверности летописных сказаний о княгине Ольге. Большинство ученых отмечало явную неоднородность повествований, где фольклорные мотивы тесно переплетаются с церковными. А.А.Шахматов, анализируя текст о крещении Ольги в Царьграде, отмечал, что в нем "переплетены, с одной стороны, духовные, церковные элементы, с другой - сказочные, народные. Сказочные элементы проглядывают в

отношении Ольги к царю, духовные - в отношении ее к патриарху"[2]. По мысли Шахматова, сказание о крещении было включено уже в Древнейший Киевский свод 1039 г., при этом историческую достоверность повествования исследователь усматривал только в "духовной линии"; рассказ о неотразимом впечатлении, произведенном русской княгиней на византийского императора, историю его неудачного сватовства, сравнение Ольги с царицей эфиопской Шахматов считал вставками из народных преданий о княгине[3].

Соединение двух различных версий в повествовании о крещении Ольги усматривает и Д.С.Лихачев. Он рассматривает как позднейшую вставку сюжет с императором, введение которого в повествование как бы разрывает цельный текст, о чем свидетельствует дважды повторенная фраза "и отпусти ю"[4]. Признавая первичность церковного рассказа /сюжет с патриархом/, Лихачев отметил, что впоследствии под пером Никона Великого он обрастал фольклорными подробностями[5].

Говоря о соединении двух версий в рассказе о крещении Ольги, А.Г.Кузьмин в отличие от Шахматова и Лихачева видит "обратную зависимость" церковных и народных наслоений в повествовании. Освободив текст от церковных элементов, исследователь реконструирует повествование о встрече и беседах Ольги с императором. "Пропуск клерикальных распространений делает рассказ более цельным и динамичным. Правда, что-то летописцем оказалось опущенным: неясно, за что проучила Ольга послов императора; об унижении Ольги у ворот Кон-

---

2 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.,1908, с.114.

3 Там же, с.117.

4 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л.,1947, с.63-64.

5 Там же, с.62-76.

стантинополя летопись не говорит. Видимо, летописец опустил этот эпизод, дабы представить Ольгу в лучшем виде, а в результате ее хитрость лишилась оправдания. Что касается клерикальных распространений, они вообще не содержат, несмотря на значительный объем, дополнительных фактов, кроме указания на христианское имя Ольги – Елена"[6].

По мысли автора, "основная часть клерикальных распространений принадлежит, по всей видимости, летописцу Десятинной церкви, почему летописному тексту об Ольге и нет буквальных соответствий в посвященных ей специальных "Житиях"[7].

Таким образом, большинство исследователей, изучавших летописный текст 955 года, склонны рассматривать его как компиляцию двух различных версий. До недавнего времени единственной работой, где защищалась целостность летописного текста о крещении Ольги, была статья С.Ф.Платонова[8]. Скептически относясь к предложению Шахматова очистить летописный рассказ от фольклорных элементов, Платонов обратил внимание на то, что народные и церковные элементы в повествовании о крещении русской княгини, а соответственно и сюжетные линии, связанные с императором и патриархом, находятся в определенной идейной зависимости, которая в свою очередь обусловливает единство всего повествования. Эта идейная зависимость заключается в том, чтобы противопоставить отношение Ольги к патриарху ее отношению к императору[9].

Точка зрения Платонова о цельности повествования о крещении Ольги в Царьграде обстоятельно и убедительно аргументирована в ра-

---

6 Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.,1977, с.339.

7 Там же, с.340.

8 Платонов С.Ф. Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде. "Исторический архив". Кн.I.Птг.1919

9 Там же, с.287.

боте А.Н.Сахарова[10]. Летописный рассказ о путешествии Ольги в Константинополь исследователь рассматривает в контексте тех политических и государственных проблем, которые были актуальными для Руси середины 50-х годов X века. Важнейшей же из них было "решение вопроса о государственном престиже древней Руси, ее месте в ряду других государств Европы, что выражалось в борьбе Руси за равенство с Византией в титулатуре, содержании и оформлении межгосударственных соглашений"[11].

С учетом этого исследователь и рассматривает текст летописной статьи 955 г., обращая внимание на сюжет крещения, который выдвинут на первый план. И "Повесть временных лет", и Новгородская I летопись, и "Летописец Переяславля Суздальского" отмечают, что инициатива крещения исходила от Ольги. Свое внимание авторы акцентировали на мудрости княгини, связывая с этим сам факт крещения. Уразумев подлинный смысл слов и побуждений императора, пораженного ее умом и красотой, княгиня кротко отвечала: "Азъ погана есмь, да аще хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся"; и крести ю царь с патреархомъ".

Летописец обращает внимание еще на одну важную деталь: в крещении Ольга приняла имя Елены. "Бе же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царицЯ, мати Великаго Костянтина". "Деталь эта, - пишет А.Н.Сахаров, - немаловажная, поскольку подтверждает глубоко политическое содержание крещения русской княгини, ее высокие государственно-престижные запросы и характеризует источник не как смешение религиозных и светских мотивов, а как в основе своей цельный рассказ о значительном в истории древней Руси событии"[12].

---

10. Сахаров А.Н. Дипломатия княгини Ольги. "Вопросы Истории", [illegible] № 10.
11 Там же, с.34.
12 Там же, с.37.

Таким образом, летописное сказание о крещении Ольги отличается идейно-тематическим единством и под пером летописца превращается в важный внешнеполитический акт. А.Н.Сахаров обратил внимание на то, что в повествовании о крещении Ольги на первом месте фигурирует император, а не патриарх. Именно к императору княгиня обратилась с просьбой о крещении, а летописец далее отмечает: "И крести ю царь с патреархомъ", где император вновь фигурирует на первом месте. Добавим, что такого рода целенаправленное повествование присуще только летописным текстам. В древнейших агиографических произведениях о княгине Ольге император вовсе не упоминается, а на первое место выдвигается патриарх Филофей[13].

А.Н.Сахаров справедливо видит в такого рода повествовании отражение исторической и политической ситуации. "Политику христианизации окрестных государств и народов осуществлял в Византии, как известно, не патриарх, не церковные иерархи, а император, аппарат политической власти. Конечно, церковники, в том числе константинопольские патриархи, в соответствии со своим саном принимали участие в реализации этой политики, поскольку византийская церковь сама являлась частью феодальной государственной системы. Поэтому вполне понятно, что русские летописи, рассказывая о крещении Ольги, правомерно связывают решение этого вопроса в первую очередь с действиями императора, а не патриарха"[14].

Вместе с тем нельзя согласиться с выводом, к которому приходит исследователь: "Но самое поразительное в истории, изложенной летописцем, заключается в том, что отмеченная политическая концепция событий таковой в летописи не выглядит. Ничто не указывает на понимание летописцем значения приведенных фактов. Его больше,

---

[13] См. проложное житие княгини Ольги XIII в. /ГБЛ, ф.256, № 319/ и проложное житие конца XIII - начала XIV в., опубликованное Н.И.Серебрянским в его книге "Древнерусские княжеские жития".М.,1915, приложения, с.7-8.

[14] Сахаров А.Н. Указ. соч. С.35.

кажется, занимают комплименты императора в адрес Ольги, история о его сватовстве и о том, как княгиня "переклюкала" императора. Обо всем остальном говорится как бы походя, без комментариев, что лишний раз указывает на естественность изложения известных летописцу фактов, на отражение в них реальных политический событий. В летописи отражена единая концепция крещения как крупного политического события в истории древней Руси. Позднее расцвечивание событий рассуждениями императора о разуме Ольги и ее красоте действительно не имеет отношения к историческим реалиям"[15].

В этом выводе исследователя не понятно главное: если в летописном рассказе "ничто не указывает на понимание летописцем значения приведенных фактов", то как это соотносится с утверждением, что в летописи "отражена единая концепция крещения". Если не летописцем, то кем эта концепция была создана? Древнерусского книжника трудно заподозрить в беспристрастном изложении фактов. С момента возникновения летописания тенденциозность и публицистичность становятся неотъемлемыми его качествами, национальной особенностью. И то, что впоследствии в повествование включены были рассказы императора о разуме и красоте Ольги, свидетельствовало о той же тенденциозности и публицистичности текста, когда "расцвечение событий" помогало летописцу ярче отразить "единую концепцию крещения". Идейно-тематическое единство повествования достигается не только фактографической достоверностью, с которой летописец передает известную ему историю крещения русской княгини, но и тенденциозностью и публицистичностью авторского пафоса, который помогал воплотить эту концепцию.

---

15 Сахаров А.Н. Указ.соч.,с.37-38.

Сказание о крещение Ольги, по всей вероятности, включено было в 40-х годах XI века в "Древнейший Киевский свод". В это время Ярослав Мудрый принимает деятельное участие в подготовке канонизации первых русских святых: мучеников-варягов, княгини Ольги, Бориса и Глеба. Сам акт канонизации должен был свидетельствовать о самостоятельности русской церкви и ее независимости от византийской. Составители "Древнейшего Киевского свода" пользовались богатым и разнообразным материалом: многочисленными устно-поэтическими преданиями, византийскими хрониками и отдельными записями об исторических событиях, выступали выразителями общегосударственных интересов и патриотических настроений. Они героизировали образы первых русских князей, прославляли их мужество и находчивость при защите Русской земли от внешних врагов.

В дальнейшем, скорее всего в 70-х годах XI века, когда Никон Великий, обрабатывая уже существовавший летописный материал, составлял "Первый Киево-Печерский свод", он включил в него новый материал. Позиция Никона в политической борьбе того времени отличалась последовательностью и принципиальностью. Когда начались распри между сыновьями Ярослава Мудрого, Никон Великий выступил с обличением княжеских усобиц, лихоимства, мстительности и алчности Ярославичей. В своем своде князьям-крамольникам, забывшим священную обязанность - хранить и приумножать могущество и единство Русской земли - он противопоставляет князей прошлого - Олега, Святослава, Владимира, которые укрепляли и защищали родину от врагов, были "добрыми страдальцами за Русскую землю".

Именно в это время к рассказу о крещении Ольги прибавляется поучение, написанное иным стилем, изобилующее цитатами и сравнениями из Священного писания. Патриарх обращается к княгине со словами: "Чадо верное! Во Христа крестилася еси, и во Христа облече-

ся, Христосъ имать сохранити тя: якоже сохрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезе, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисея от Фараона, Давыда от Саула , 3 отроци от пещи, Данила от зверий, тако и тя избавить от неприязни и от сетий его"; и благослови ю патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву".

Поучение это не только носит нравственно-дидактический характер, но и идеализирует княгиню, ставит ее в один ряд с авторитетнейшими персонажами священной истории. Особенно агиографическая идеализация усиливается в заключительной части: говоря о божественной премудрости княгини, автор вновь прибегает к авторитетным сравнениям из Библии. "Се же бысть, якоже при Соломане приде царица эфиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость виде и знаменья: тако же и си блаженая Ольга искаше доброе мудрости божьа, но она человечески, а си божья. "Ищющи бо мудрости обрящють"; "Премудрость на исходищихъ поется, на путехъ же деръзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповедаеть, во вратехъ же градныхъ дерзающи глаголеть: елико бо лет незлобивии держатся по правду...". Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью, что есть луче всего въ свете семь, налезе бисеръ многоцененъ, еже есть Христосъ".

Сравнивая поездку Ольги в Царьград с поездкой царицы Эфиопской к Соломону, автор идеализирует и возвышает русскую княгиню, говорит о большей значимости ее путешествия.

Итак, летописный текст 955 года составлялся в разное время и не является единым в жанровом отношении. Первая его часть - повесть о путешествии Ольги в Царьград и ее крещении отличается идейно-тематическим и стилевым единством и восходит к недошедшей до нас повести о крещении княгини и связана с народными легендами и преданиями о находчивости и мудрости Ольги. Вторая часть лето-

писного текста - поучение, составленное позднее и заметно выделяющееся своим стилем.

Текст 969 года также неоднороден как по своему составу, так и в жанровом отношении. Первая его часть - повесть о смерти Ольги отличается простотой стиля и лаконичностью повествования. "По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, и несоша и погребоша ю на месте. И бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу".

Вторая часть летописной статьи представляет собой обширную похвалу, написанную торжественно-риторическим слогом и содержащую характерные для жанра похвалы сравнения и библейские цитаты. Возможно, что эта похвала была включена в летописный текст Никоном Великим, прославившим божественную премудрость русской княгини - основоположницы христианства на Руси. "Си бысть предътекущия крестьяньстей земли, аки деньница предъ солнцемь и аки зоря предъ светомъ. Си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в неверныхъ человецехъ светящеся, аки бисеръ в кале: кальни бо беша грехомъ, неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купелью святою, и совлечеся греховныя одежа ветхаго человека Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцемъ к ней: "Радуйся, руское познанье къ богу, начатокъ примиренью быхомъ". Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницю: ибо по смерти моляше бога за Русь".

Похвала Ольге - это прославление великого подвига княгини, чья жизнь, деяния, забота о Русской земле - наглядный урок современникам автора, назидание потомкам. Составитель похвалы не сомневается в святости Ольги, которая первой "вниде в царство небесное от Руси" и по смерти молит бога за Русскую землю.

Таким образом, летописные повествования о княгине Ольге относятся к древнейшему этапу русской письменности. Первоначально в народной среде, возможно еще при жизни княгини, возникли фольклорные произведения об Ольге, бытовавшие в устной традиции. В X веке при Владимире Святославиче была составлена церковная повесть, приуроченная к моменту перенесения мощей княгини в Десятинную церковь. В 40-х годах XI века фольклорные сказания были записаны, обработаны и включены в состав Древнейшего Киевского свода. Это сказания о мести древлянам и о разорении Древлянской земли, повести о крещении Ольги в Царьграде и о ее смерти. В 70-х годах XI века Никон Великий, составляя "Первый Киево-Печерский свод", дополнил повесть о крещении церковным поучением, а повесть о смерти риторической похвалой княгине Ольге.

Помимо летописных сказаний княгине Ольге посвящено и несколько агиографических произведений. По свидетельству архимандрита Леонида церковное празднование памяти Ольги началось уже при Владимире Святославиче.[16] В этом случае должно было существовать сочинение, где излагались бы важнейшие события из жизни Ольги, прославлялись бы ее христианские добродетели. А.А.Шахматов и М.Д.Приселков допускали, что такое произведение могло быть составлено в X веке к празднованию перенесения мощей княгини в Десятинную церковь[17]. Скорее всего это была церковная память, мало похожая на жанр жития, который к этому времени еще не сложился в русской литературе. Она представляла собой перечень хронологического изложения жизни княгини, а впоследствии явилась источником "Преставления и похвалы благоверной княгине Ольге", включенной в "Память и похвалу князю Владимиру" монаха Иакова.

---

16 Леонид /Кавелин/. Святая Русь. СПб.,1891, с.3.

17 Шахматов А.А. Разыскания..., с.113; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI-XII вв. СПб.,191[illegible] с. 9.

"Преставление и похвала Ольге" - произведение агиографическое, созданное с установкой на идеализацию и прославление первой княгини-христианки. Оно во многом еще не соответствует формальным признакам византийского житийного канона /отсутствует рассказ о родителях, месте рождения и детских годах/, но при этом последовательно ориентировано на создание идеального образа святой. Задача автора - рассказать, "како крестися и добре поживе по заповеди господни" благоверная княгиня. Эта цель определила и сами принципы идеализации. Вслед за фольклорными и письменными источниками Иаков отмечает мудрость княгини /"теломъ жена сущи, мужеску мудрость имеющи"/, однако акцент делает на исключительности и богоизбранности княгини, которая после смерти мужа "освящена бывши божиею благодатью и въ сердци приимши божию благодать"[18].

Познавшая по откровению свыше истинного бога, Ольга решается идти в Царьград, "идеже цари христиани и крестьянство утвердися". Составитель "Преставления и похвалы" очень лаконичен в передаче сведений о поездке в Царьград. Он не прибегает к сравнениям с событиями священной истории, не уподобляет княгиню прославленным "историческим" персонажам, не использует библейских цитат. Идеализация Ольги достигается здесь не теми приемами и средствами, которые станут традиционными в последующей русской агиографии, а особой манерой повествования, где на первое место выдвигается целеустремленность княгини, ее божественное произволение.

Прославляя добродетельную жизнь Ольги, автор отмечает, что она "возлюбивши бога всемъ сердцемъ и всею душею и поиде во следъ господа бога всеми добрыми делы осветившися и милостынею украсившися, нагиа одевающи, жадныа напояющи и странныа покоивающи и ни-

[18] Текст "Преставления и похвалы Ольге" цитируется по исследованию Н.И.Серебрянского "Древнерусские княжеские жития", Приложения, с.12-13.

щая и вдовица и сироты вся милующи и потребу дающи всяку съ тихостию и любовию сердца, и молящи бога день и нощь о спасении своемъ".

В характеристике добродетелей преобладают черты мирского, а не церковного идеала; автор ничего не говорит о христианском аскетизме, кротости, смирении, постничестве, а отмечает лишь ее постоянные молитвы о спасении. Такого рода идеализация напоминает идеализацию князей в летописи. Почти аналогично идеализируются добродетели волынского князя Владимира Васильковича в Ипатьевской летописи: "Ты бе, о честная главо, нагим одеяние, ты бе алчющим коръмля и жажющим во въртьпе оглашение, вдовицам помощник и страньным покоище, беспокровным покров, обидимым заступник, убогым обогатение, страньн приимник"[19].

Добродетели умершей Ольги прославляются путем своеобразного совмещения мирского и церковного идеалов, причем мирские качества явно преобладают.

Обычно житие заканчивалось рассказом об обретении мощей и о чудесах, совершавшихся у гроба святого. В "Преставлении и похвале" о целительных чудесах ничего не говорится, речь идет лишь об обретении нетленных мощей княгини, что, с точки зрения автора, есть дивное чудо, достойное всяческой похвалы. Повествуя о чуде обретения мощей, составитель добавляет любопытную деталь: "честное тело лежаще цело" видят только те, кто "с верою приидет", "вернии человеци"; "другимъ иже не съ верою приходятъ, не отворится оконце гробное и не видят тела честнаго, но токмо гроб". Возможно, что в этом рассказе отразились отголоски каких-то реальных событий, связанных с постановкой вопроса о канонизации Ольги при Ярославе Муд-

---

[19] Полное собрание русских летописей, т. П. СПб., 1908, стлб.854.

ром, которая, как известно, не увенчалась успехом.

Таким образом, "Преставление и похвала Ольге" - первое агиографическое произведение, в котором создан идеальный образ благоверной княгини. Оно лишено еще многих формальных признаков, обязательных для византийского канона жития. Сам принцип идеализации ориентирован скорее на летописную, а не на агиографическую традицию. Однако своеобразно сочетая то и другое, автор создает идеальный образ Ольги. Следует согласиться с С.А.Бугославским полагавшим, что "Преставление и похвала Ольге" в тексте "Памяти" монаха Иакова написана "как типичное проложное житие, без цитат,...лаконичным стилем"[20]. Добавим только, что это проложное житие отразило начальный этап формирования древнерусской княжеской агиографии.

В настоящее время не представляется возможным точно определить дату канонизации Ольги. Как правило, житие писалось к канонизации святого и должно было читаться как синаксарь во время церковной службы после 6-й песни канона[21]. В редких случаях составлению жития предшествовало написание службы. Нам неизвестно ни одной службы княгине Ольге, относящейся к домонгольскому периоду, а самые ранние списки агиографических произведений датируются концом XIII - началом XIУ вв. "В произведениях, написанных в то время и о том времени, прославляются люди, героически защищавшие Русскую землю, примерные христиане, личности выдающиеся. И в этот период русские агиографы обращаются к имени Ольги, образцу мужества, образцу служения Руси, и на основе летописного цикла составляется проложное житие знаменитой княгини"[22].

---

[20] Бугославский С.А. К литературной истории "Памяти и похвалы князю Владимиру". Известия ОРЯС, т.XXIX, Л.,1925, с.140.

[21] Никольский Н.К. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб.,1874, с.316.

[22] Гриценко З.А. Литературные памятники о княгине Ольге XII-XУII вв. /История текстов, становление жанров, стиль/. Автореферат диссертации. М.,1979, с. 8.

Н.И.Серебрянский, исследовавший агиографические памятники о княгине Ольге, выделил два вида /$А_I$ и $А_2$/ проложных житий княгини, возникших независимо друг от друга в конце XIII – начале XIУ вв.. на основе летописных известий. Проложная редакция первого вида /$А_I$/ мало что общего имеет с византийским житийным каноном. В ней отсутствуют сведения о родителях, о детстве, ничего не сказано о смерти и посмертных чудесах. Главное внимание автора направлено на идеализацию Ольги. Она достигается путем использования различных приемов и средств агиографической идеализации. Во-первых, русская княгиня уподобляется византийской императрице Елене. Подобно Елене, которая "шедьши вь Еросалимь обрете честны кръсть господьнь", Ольга "иде вь Костандинь град, оттуду сподоби се святаго крьщениа от патриярха и приемши от него кръсть приде в свою землю иже ныне стоить вь Киеве вь святей Софии вь олтари на десной стране, имее писмена: "Обновисе вь Рушьстеи земли крсть от Олгы благоверные кнегине".

Идеализации образа Ольги способствуют и традиционные для агиографии сравнения с солнцем, луной, звездами. В заключительной части жития степень идеализации усиливается путем восхваления заслуг Ольги перед Русской землей: "От тебе израстоше кнезы наши, поганых шетание побеждаей, и паче научеють, како кланетисе и чьсти вь троици единого бога".

Второй вид продолжного жития Ольги /$А_2$/, по мысли Н.И.Серебрянского, возник уже после утраты церковной повести о русской княгине, а основным ее источником послужили летописные сказания. Эта редакция представляет собой как бы новый этап в формировании житийных произведений об Ольге, предваряет псковское житие XУI века и житие, включенное в Степенную книгу. Она в большей степени, нежели редакция первого вида, ориентирована на византийски

житийный канон, здесь уже намечается агиобиографическая канва изложения событий. Агиограф отмечает, что "си блаженая Олга родомь бе пльсковитина, жена же Игоря князя всея Руськыя земля, иже сидяще в Кыеве. По умертвии же Игореве нача княжити Святославъ сынъ его. И беша вси неведущи бога, кумиромь служащи, дияволу годная творящи".

Далее составитель жития особое внимание обращает на мудрость княгини /"мудра сущи паче всех"/, ее скорбь и печаль за людей, находящихся во власти дьявола. Ольга, "слышавши же о вере гречьстеи, иде в Костяньтинъ град и крестися от патриарха Фотия, просвещена же бывши радовашеся душею". Вернувшись на Русь, она начинает свой равноапостольский подвиг: "И обьходящи всю Русьскую землю дани и уроки легькы уставляющи, кумиры скрушающи, яко истинная ученица Христова, дающе же и многу милостыню убогымь, аще и поганым даяше но бога должника собе створи, иже тако прослави ю нетлениемь. Блаженое тело ея прослави и венча, иже и до ныне видимо бысть всеми русьскыми сынъми". Заканчивается житие завещанием княгини и рассказом о перенесении ее мощей Владимиром Святославичем в Десятинную церковь.

Композиционная структура второго вида проложного жития Ольги во многом уже соответствовала византийскому канону агиобиографии. В отличие от проложного жития первого вида здесь последовательно выдержан лишь один способ идеализации Ольги: деяния русской княгини соотносятся с представлениями об идеале, порожденном самой исторической эпохой.

Таким образом, древнейшие памятники русской письменности о княгине Ольге отличаются жанровым и стилевым своеобразием. Их жанровое своеобразие во многом определялось временем создания, теми

целями и задачами, которые ставило феодальное общество перед литературой. Первоначально были созданы устные сказания, где прославлялось мужество, находчивость, хитрость и ум Ольги. Стилевое своеобразие этих сказаний обусловлено влиянием народной поэтической традиции, сказавшейся на композиции, приемах идеализации княгини, отразившейся в диалогической манере повествования.

Впоследствии, когда сказания были включены в летопись, они дополнялись новыми материалами в соответствии с требованиями исторической действительности. Видимо, по инициативе Никона Великого в летописный текст включаются поучение и похвала, ставившие своей целью создать идеальный образ Ольги, прославить ее деяния, имевшие государственное значение. Подобная цель требовала и соответствующих стилевых средств выражения: возвышенной риторики, эмоциональности повествования, сравнений с библейскими персонажами и выдающимися историческими деятелями.

Первым из дошедших до нас произведений, созданных с установкой на агиографическую идеализацию княгини-христианки, было "Преставление и похвала Ольги" мниха Иакова, включенная в "Память и похвалу князю Владимиру". Идеализация образа Ольги достигается здесь путем своеобразного совмещения мирского и церковного идеалов. Жанр "Преставления и похвалы Ольге" напоминает проложное житие, в нем отразился начальный этап формирования древнерусской княжеской агиографии.

Изучение жанрового и стилевого своеобразия древнейших житийных произведений о княгине Ольге уясняет некоторые моменты становления жанра княжеского жития в русской литературе XI-XIII вв. Общепринятая в науке точка зрения о зависимости оригинальной древнерусской агиографии начального этапа ее развития от византийского житийного канона в данном случае не подтверждается. Древнейшие жития Ольги, как впрочем и ранние агиографические сочинения о князе Владими-

и памятники борисоглебского цикла, оказываются мало связанными с византийским агиографическим каноном. Сам идеал, воплощаемый и прославляемый в этих произведениях, включает в себя идеальные качества исторического государственного деятеля и христианского подвижника /просветителя в случае с Ольгой и Владимиром и мучеников в случае с Борисом и Глебом/. Важно и то, что этот идеал не был простым совмещением качеств мирского и церковного идеалов. Он был выработан, существовал в самом феодальном обществе, воспринимался современниками как нравственно-этический идеал эпохи. Современников и последующие поколения привлекала внимание не только просветительская деятельность Ольги и Владимира, но и те их деяния, которые имели историческое и государственное значение. А воплотить эти идеальные качества с помощью только агиографической традиции было невозможно. Вот почему в ранних агиографических сочинениях о княгине Ольге важное место занимает идеализация, напоминающая изображение исторических деятелей в летописи. И только спустя несколько веков, когда актуальность исторического момента исчезнет, возникнут житийные произведения о княгине в полном соответствии с византийским агиографическим каноном.